

АЛЁНА СЕЛЮТИНА

И ЖИЛИ ОНИ! ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

фэнтези

МИО

Red Violet. Больше чем магия

АЛЁНА СЕЛЮТИНА

И жили они долго и счастливо

Москва
МИФ
2024

СКАЗКА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ЖИЛИ-БЫЛИ...

*У меня жена умная,
У меня душа разумная.
У ей походка павлинная,
Тиха речь лебединая.
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя.*

Русская народная песня

ГЛАВА 1

Шлеп, шлеп, плюх...

- Ай, больно же! Тьфу ты... Вот и поужинала...
- Обойдемся без привала?
- Кош, ты роешь себе могилу.
- Здесь даже рыть не надо...
- Может и так, но факта это не отменяет.
- Останавливаемся?
- Да.

Очередной комар размером с небольшого мамонтенка сел на спецовку, бодро проткнул рукав и приступил к трапезе. Василисе захотелось разреветься. Настроение было отвратительным, еще когда они подходили к болотам, теперь же вдобавок чесалось и зудело все тело: не помогали ни репелленты, которыми она облилась более чем щедро и которые отчаянно воняли, ни березовый деготь, в котором был вымазан платок, завязанный на запястье. Комарам было хоть бы хны, зато внезапно выяснилось, что вся эта дикая смесь отпугивает Кощея, подтверждая тем самым его репутацию отъявленного кровопийцы. Все то время, что они шли по болоту, Кощей старался держаться от нее подальше, ворча, что у него дыхание перехватывает. Колдовать он запретил, рассудив, что если на болоте расставлены ловушки, то магия их активирует. Однако на комаров не жаловался, и для Василисы это стало вторым доказательством того, что они признали в нем своего.

Вообще же комары, кажется, были единственными, кто остался среди трясины. Тишину нарушали лишь их писк и жужжание да редкий звук лопающихся пузырьков метана. Не было слышно ни птиц, ни животных. Лес вокруг словно вымер. А воздух сгустился, давил на грудь, и по мере продвижения вглубь топей дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Они слонялись по этому болоту уже почти полтора часа и пока ни на что не наткнулись. Давно не ездившую на вызовы и отвыкшую от подобного Василису это нервировало.

Она выбралась на ближайший сухой островок, прислонилась спиной к трухлявому пеньку и прикрыла глаза. Над головой мгновенно сгустилась темная тучка. Даже сквозь москитную сетку это выглядело жутко.

— Кош, сделай что-нибудь, — попросила она.

Кощей хмыкнул, порылся в многочисленных карманах своей спецовки, нашел лучину, поджег щелчком пальцев и воткнул в землю. Сизоватый дымок с красными прожилками устремился вверх тонкой струйкой, и комаров как ветром сдуло. Из другого кармана Кощей вытащил флягу, отвинтил крышку и сделал несколько глотков.

— Будешь? — спросил он Василису.

Она кивнула, приняла флягу и тоже отпила. Вода была прохладной, свежей и сладковатой. Дышать стало легче. Василиса решила, что для дела еще немного сможет потерпеть, как бы тяжело ей здесь ни было. Болота вводили ее в уныние. Они все еще снились ей порой — два с половиной года в лягушачьей шкуре не прошли даром. Некстати пришла мысль: быть может, комары мстили за всех съеденных ею собратьев? Кощей же, наоборот, явно чувствовал себя прекрасно. Топи питали его, словно батарейка. Признавали его, тянулись к нему, с радостью отдавали свои силы. И он с удовольствием принимал подношения, пока Василиса пыталась

не попасть на закуску очередному любителю третьей отрицательной. Это не могло не раздражать.

— Надолго не хватит, — предупредил Кощей, кивнув на лучину. — Минут на пять максимум. Отдохни, и пойдем дальше. Скоро закат.

Воздух и впрямь серел, солнце опустилось ниже: еще немного, и начнет наливаться холодным, не способным согреть багрянцем.

— Что мы тут делаем? — устало вздохнула Василиса. — Почему Баюн не послал Сокола или кого-то из его воробушков? И почему мы должны были идти сюда именно на ночь глядя?

— Баюн не послал Сокола, потому что после недавней ведьмы и того, что он нашел в ее подвале, тот не очень-то хорошо держит себя в руках, когда чувствует темную магию. Мы же тут, судя по всему, имеем дело с детьми, незачем их пугать раньше времени. А ты у нас милая, приятная женщина, которая должна вызвать чувство доверия.

— Я не умею общаться с детьми.

— Как будто бы, кроме Божены, в Конторе кто-то это умеет. Ну, может, еще Настасья. Но будить Божию по такому поводу в середине лета как минимум жестоко.

Василиса хмыкнула. Слушать от Кощея рассуждения о жестокости было как минимум забавно.

— А вот Настя была бы счастлива здесь оказаться, — пробормотала она. — Вообще где угодно, только бы не сидеть дома. Так почему мы не пошли днем?

— Потому что у меня были важная встреча в обед и судебное заседание после. Еще вопросы есть?

— Есть!

— Что же ты раньше их не задавала?

— Потому что надеялась на романтическую прогулку, — огрызнулась Василиса и с тоской посмотрела на лучинку.

Та быстро и верно истлевала, и вместе с ней таяли последние секунды без вездесущих кровососов.

— На болоте? В следующий раз просто попроси, и я свожу тебя на свидание.

— Когда, если ты все время работаешь?

Кощей не ответил, и Василиса тяжело вздохнула.

— Ладно, прости. Сегодня был сумасшедший день. Баюн не в духе, я устала, а теперь меня едят комары, я хочу домой и спать, и я терпеть не могу болота...

Кощей отвел взгляд. В конце концов, в том, что Василиса терпеть не могла болота, был виноват он — и отнюдь не косвенно.

— Ты их чуешь? — с надеждой спросила Василиса.

— Где-то близко. Возможно, прикрылись какими-то чарами. Скоро найдем. Да и после захода солнца ты будешь при силах, так надежнее.

— Да, — согласилась она и снова огляделась.

На этом участке болот, где Лес чаще всего открывал тропу из соседнего мира, жила ведьма, подотчетная Западно-Сибирскому отделению Управления по надзору за магией и магической миграцией. Она присматривала за тропами и не давала охочим до острых ощущений туристам угодить куда не надо. Однако десятого июля ведьма не прислала обычный ежемесячный отчет. Сначала в отделении снисходительно посмеялись: недавно отмечали Купальную ночь, а после нее ведьмы, как правило, долго приходили в чувство. Но попытки связаться с ней результата не дали. Зато местная кикимора радостно доложила, что ведьму давно не видела, а вместо нее теперь здесь всю хозяйничает молодая девчонка. «Во-о-оть тякусенький детеныш, — шепелявила кикимора и противно улыбалась. — Славненькая такая девочка, молодое еще мяско». По заверениям кикиморы, в бывшем доме ведьмы с девчонкой жил мальчик.

Впрочем, гулял он по болотам свободно, а значит, держали его не на жаркое. Заданием Кощея и Василисы на этот вечер было выяснить, что случилось с ведьмой и откуда на болоте взялись дети.

Рядом с пеньком, на который опиралась Василиса, среди скромных белых цветов багульника росла морошка. Маленькие оранжевые ягодки грели взгляд. Василиса оторвала одну, откинула с лица сетку и сунула ее в рот. И тут же выплюнула.

— Кош, — позвала она. — Ягода.

Омерзительный вкус тлена. Спелая ягодка сгнила и даже не заметила этого.

Кощей тоже сорвал ягоду и задумчиво понюхал.

— Неделя... — пробормотал он. — Держись за мной, не высовывайся. Чем ближе, тем лучше. Как увижу их, пойду в дом, а ты жди, пока позову.

— Ты уверен...

— Василиса.

И она умолкла. Разумеется, она понимала: чтобы справиться с Кощеем, нужен кто-то покрепче двух детишек. С другой стороны, внешность обманчива. Яга вон выглядела древней старухой, но стоило ей начать колдовать...

— Просто волнуюсь, — сообщила Кощей Василиса, надеясь, что хотя бы это убережет его от излишней самоуверенности.

— Буду помнить, — кивнул Кощей.

Лучинка мигнула в последний раз и погасла. Сизоватая струйка растаяла, и комары вновь принялись кружить над своей жертвой.

— Идем, — позвал Кощей.

Василиса с тяжелым вздохом оторвалась от пенька, поднялась, ухватившись за протянутую руку, и послушно последовала за ним.

Сумерки сгущались все быстрее, и в полутьме глаза Кошья замерцали изумрудными огоньками, а возле его ног черным туманом за клубились тени. Наверное, не зря Баюн посылал с ним на задания только ее. В Конторе давно забыли, каков Кошья на самом деле, вроде опасаются, но больше по привычке. Увидел бы сейчас кто, почувствовал... Потом бы в коридорах шарахался.

Последние лучи солнца подмигнули на прощание из-за горизонта, и Василиса ощутила знакомое успокаивающее покалывание в пальцах. Ладони налились теплом. Проснувшиеся силы приветствовали свою хозяйку. Одновременно с этим появился домик. Просто в одном из мест туман стал плотнее, из него соткались очертания бревен, а потом и вовсе явилась взгляду хиленькая покосившаяся избушка с утопленным в земле черным слепым окном, поросшей мхом крышей и едва державшейся на петлях дверью. Этот домик источал такую жуть, что Василиса бездумно сделала шаг назад и даже не почувствовала, как нога провалилась в топь. Зато характерный звук услышал Кошья и дернул ее на себя.

— Я сказал рядом! — шепотом рявкнул он.

— Прости, я что-то...

Единственное окошко приковывало взгляд. Ужас перерос в панику, дыхание сбилось, и в страхе зашлось сердце.

А потом все закончилось. Более того, сознание стало ясным-ясным, словно...

— Ты зачаровал меня?

Кошья отстраненно кивнул и пояснил, не отрывая взгляда от домика:

— Скорее, снял чужие чары. Побоялся, что на стук твоего сердца и зов крови явится не только ведьма. В любом случае ее охранные заговоры уже сработали, напустили жути, и она наверняка тебя учуяла.

— Там что-то очень страшное? — спросила Василиса, вспоминая разговор о Соколе и ведьме.

Ох, ну не годится она для работы с темными! Вот вернется в Контору и выскажет Баюну все, что хотела сказать последние лет десять. Или вообще за все время работы, потому что потом ее уволят и случая уже не представится.

Кощей впился заострившимся взглядом в избушку. Смотрел не моргая, стало уже совсем темно, но его зеленые глаза недобро и холодно сверкали, отражая неизвестный свет.

— Нет, — наконец ответил он. — Ничего страшного там нет. И никого. А теперь стой и жди, пока не позову.

Превращение происходило плавно, но быстро. Вот стоял Кощей, а вот его фигура дрогнула, поплыла и сложилась в коршуна, коршун махнул крыльями, оторвался от земли и взлетел, растворившись в ночи. Василиса послушно уставилась на избушку, ожидая сигнал и заставляя себя не думать о болоте. Текли секунды, складывались в минуты, но ничего не происходило. Ждать было невыносимо. Потом что-то грохнуло, раздался вскрик, Василиса не выдержала и ринулась вперед.

Она вбежала в дверь и напоролась на непроглядную тьму. Прищурилась, ища печь — ибо какая же изба без печи, — нащупала слабый отсвет, неяркую теплую дымку, сосредоточившуюся в углу, направила туда поток силы, заставляя жарко вспыхнуть огонь в горниле, и огляделась. Изнутри избушка оказалась куда больше и добротнее, нежели выглядела снаружи. Тут было тепло и сухо. Печь красовалась свежей побелкой, рядом лежал валежник. Посреди стояли стол и лавка, на которой сидел Кощей. Выглядел он недовольно, сжимал и разжимал ладонь, тер правое запястье, и этот старый, хорошо знакомый Василисе жест заставил ее нервничать куда сильнее, чем все остальное. На полу,

скованные магией, лежали двое. Ведьма и ребенок. Мальчику было лет двенадцать. Красивый, черноволосый, кудрявый. Он смотрел на Василису волчонком и явно был напуган. А вот ведьма скрыла лицо за волосами, и непонятно было, сколько ей лет и что она думает о гостях.

— Я же сказал ждать! — зло прошипел Кощей.

— Я услышала твой крик! — возмутилась Василиса.

— Эта ведьмина шавка чуть не прокусила мне руку. Как бы теперь не заразиться чем...

Василиса вздохнула и подошла ближе, взяла его ладонь, осмотрела, зашептала, вкладывая в слова силу:

— На море на Кияне, на острове Буяне, стоят мосты калиновы, на мостах стоят дубовые столы, на столах сидят девицы — белые царицы. Вы, девицы, белые царицы, берите иглы золотые, вздевайте нитки шелковые, зашивайте раны кровавые...

Мальчишка на полу оскалился:

— Чувствуйте себя как дома, гости дорогие. Развяжите уж, мы вас попотчем, а то как-то неудобно: гости пришли да сидят несолоно хлебавши, а хозяева разлеглись и отдыхают...

Он был в том возрасте, когда ломается голос: явно хотел уверенно пробасить, но едва не сорвался на фальцет. А значит, боялся. И все равно нашел в себе силы язвить.

Василиса договорила последние слова, проследила, чтобы рана на руке Кощея затянулась окончательно. Мальчишка открыл рот, явно намереваясь сказать что-то еще, но в этот момент ведьма развернулась и с силой пнула его в ногу. Волчонок охнул и замолчал, волосы у ведьмы слетели с лица, и наконец стало возможно ее рассмотреть. Кикимора сказала правду: это была совсем молодая девушка, лет шестнадцати-семнадцати, не больше. На худом остром личике выделялись, притягивая взгляд, огромные черные глаза. Но пожалуй, эти

глаза были единственным, чем ведьма могла бы похвастаться. Она была болезненно худа, словно ее морили голодом, и это показалось странным: волчонок был розовощек и явно не страдал от недоедания. Грязные черные волосы спутались в колтуны, бесцветные потрескавшиеся губы сжались в линию. На лице застыло злое и испуганное выражение, которое ее тоже не красило.

— Как тебя зовут? — спросила ее Василиса.

Ведьма растянула губы то ли в оскале, то ли в улыбке, обнажив зубы, и ничего не ответила.

— Послушайте, — начала Василиса заранее заготовленную речь. — Я понимаю, что знакомство началось плохо, но мы пришли с миром. Никто не собирается причинять вам вред. Здесь живет ведьма — Нижинская Агафья Егоровна. Вы ее знаете?

Дети молчали, Василиса вздохнула про себя, признавая, что это будет трудно, и продолжила:

— Нижинская не выходит на связь, и нам доложили, что на границе теперь новые жильцы. Это место подчиняется Западно-Сибирскому отделению Управления по надзору за магией и магической миграцией. Вы напали на сотрудника отделения, поэтому нам пришлось применить силу. Мы заберем вас с собой: нам необходимо выяснить, что случилось с Агафьей Егоровной, а также кто вы и как...

Оскал ведьмы дал трещину. Она кинула пронзительный взгляд на волчонка и замотала головой. Волчонок, впрочем, тоже неожиданно побледнел.

— Мы никуда отсюда не уйдем! — крикнул он. — Мы останемся здесь. Подите прочь!

— Никто ничего вам не сделает... — начала Василиса, но мальчишка перебил, заверещав:

— Вы все так говорите! Они тоже говорили!.. Мы останемся здесь! Уходите! Моя сестра не...

В этот момент девчонка снова пнула его в бок, и мальчик опять замолчал, сцепив губы, словно боялся, что слова вырвутся помимо его воли.

— Это твоя сестра? — переспросила Василиса. — Вы брат и сестра? Как вы здесь оказались?

— Не ваше дело!

— А вот здесь ты ошибаешься, — подал голос Кощей. — А ты, девочка, если и дальше будешь пытаться наслать на нас проклятье, словишь предупреждение от отделения с наложением магических кандалов на месяц. Не самая приятная штука, так что советую хорошо подумать.

— Не смей угрожать моей сестре, — зарычал волчонок, — я тебя сейчас...

Но что он собирался сделать, они так и не узнали, потому что, вероятно, это поняла юная ведьма. Она вдруг изогнулась, приподнявшись над полом, и с силой ударила о него лбом.

— Агата! — закричал мальчик.

Ведьма ударила еще раз, и из ссадины пошла кровь. Мальчишка заплакал, застучал зубами и пополз к ней.

— Я буду молчать! Молчать! — закричал он, прижимаясь к тяжело дышавшей сестре.

— Понятно, заканчиваем цирк, — вздохнул Кощей, достал из сумки Василисы флакон со снотворным, наклонился к девчонке, скрутил ее и капнул несколько капель на плотно сжатые губы.

Волчонок забился, но Кощей повторил этот фокус и с ним, и через несколько секунд они оба крепко спали на полу.

— Честно говоря, я им завидую, — задумчиво произнес Кощей. — Все бы сейчас отдал за теплую постель. Ладно, грузим их и доставляем Баюну, пусть сам решает, что с ними делать.

— Но...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказка первая	
в которой жили-были...	7
 Сказка вторая	
в которой все оборачивается	
не тем, чем казалось	247
 Сказка третья	
Та самая. О любви	467